

Легитимирующая сила великих рассказов в XXI в.¹

Самохина Е. Г.,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства
НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург
E-mail: ya.samohina@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию понятия «великие рассказы» и их значения для философии права и юридической науки в XXI в. Автор анализирует указанное понятие и сопутствующие ему идеи единства и тотальности, данные Ж.-Ф. Лиотаром, и сравнивает его с похожими идеями, применяемыми другими философами, в частности, Х. Перельманом. Также автор предпринимает попытку исследовать систему аргументации, предлагаемую Ж.-Ф. Лиотаром взамен использования великих рассказов, и дать оценку этой системе в связи с применением ее в юридической науке. В рамках подхода Лиотара, отказываясь от «террора» великих рассказов, субъект оказывается в ситуации отсутствия критериев и норм для вынесения решений. Отмечая проблематичность этого подхода Лиотара, автор настоящей работы признает вклад данного подхода в развитие юридической аргументации. Эта система покоится на важной посылке о том, что однородность и целостность общества является (опасной) иллюзией, от которой следует избавиться, а взамен необходимо признать право различных групп внутри общества и даже отдельных индивидов быть разными и создавать свои повествования о справедливости. Конечно же, данный подход сложен и не лишен противоречий, и внедрение предложений Ж.-Ф. Лиотара в юридическую практику напрямую было бы неоправданным шагом, приводящим к произволу и беспорядку. Однако, представляется, что некоторые положения его теории (например, об уникальности каждого спора, о необходимости аргументации и др.) могли бы использоваться при принятии юридических решений, как и главные посылки его теории.

Ключевые слова: великие рассказы, нарративная юриспруденция, постмодернизм, юридическая аргументация, Х. Перельман, Ж.-Ф. Лиотар.

Несмотря на то, что сфера анализа данной работы обозначена достаточно широко, концепция великих рассказов, или великих нарративов², разрабатывалась Жаном-Франсуа Лиотаром в работах «La condition postmoderne»³,

«Au juste»⁴ и «Le differend»⁵. Если понимать под великими рассказами некие фундаментальные идеи, властные установки, культурные доминанты, догмы и проч. — например, прогресс, просвещение, равенство, естественные права и т.д. — можно предположить, что к подобным единицам аргументации обращались многие философы, давая им другие имена. Ж.-Ф. Лиотар не дает никакого определения великих рассказов, а только лишь приводит их примеры, из которых становится понятно, о чем идет речь; это некоторые риторические единицы, в силу своей тотальности, универсальности и абсолютности приобретающие качество внеисторичности и рождения вне социальной практики⁶.

Сделаем небольшое отступление в сторону

¹ Статья подготовлена в результате исследования № 18-IP-01, поддержанного НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург.

² Ж.-Ф. Лиотар использует словосочетание «grand récit», переведенное на русский язык в работе «Состояние постмодерна» как «великий рассказ». Несмотря на то, что в научном обороте широко используются синонимичные термины «великий нарратив» или «метанарратив», представляется, что данные сочетания появились в результате использования исследователями английских переводов «Состояния постмодерна», в которых используется понятие «narrative», а также научной литературы на английском языке. Признавая равнозначность и право на существование обоих вариантов перевода, в данной статье автор будет использовать словосочетание «великий рассказ», поскольку оно наилучшим образом соответствует замыслу Ж.-Ф. Лиотара.

³ Впервые опубликовано: Lyotard J.-F. La condition postmoderne. Paris: Minuit, 1979. На русском языке: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998.

⁴ Впервые опубликовано: Lyotard J.-F. Au juste, Paris: Christian Bourgois, 1979.

⁵ Впервые опубликовано: Lyotard J.-F. Le differend. Paris: Minuit, 1983.

⁶ Рассуждения на тему великих рассказов см.: Постмодернизм: энциклопедия / Сост. и науч. ред.: А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Минск: Интерпрессервис, 2001.

одного из великих событий XX в. — Второй Мировой войны, а точнее — к дискурсам по поводу этого события. Вероятно, подобная аналогия будет звучать некорректно применительно к этой великой трагедии, но в данном случае автор не имеет намерения оскорбить память о подвиге и жертвах, а лишь подразумевает попытку описать влияние Второй Мировой войны на научный дискурс после середины XX в. И стоит признать, что повествования на тему «Вторая Мировая война» или «трагедия Второй Мировой войны» стали использоваться в политике и в науке как великие рассказы, смысл которых не нуждается в уяснении, при обосновании различных идей и концепций⁷. Ни для кого не секрет, что трагедия Второй Мировой войны оказала огромное влияние на развитие философии и философии права во второй половине XX в. Были пересмотрены и претерпели существенную переработку старые философские концепции, появилось множество новых, например: концепция надзаконного права Густава Радбруха⁸, новая риторика Хаима Перельмана⁹, риторическая концепция Ричарда Маккеона¹⁰, теория коммуникативного действия Юргена

Хабермаса¹¹, постмодернизм¹² и т.д. При этом через отсылку к террору и трагедии Второй Мировой войны объяснялись зачастую совершенно противоположные вещи.

Это положение можно легко проиллюстрировать на примере идеи согласия. Для Х. Перельмана, Р. Маккеона, Ю. Хабермаса идея согласия лежит в основе дискурса и представляет собой его цель. Достижение универсальности, согласия, общего взаимопонимания — вот главная цель аргументации, к примеру, в новой риторике Х. Перельмана. Так, по признанию философов, принимавших участие в разработке Всеобщей декларации прав человека, во время обсуждения ее проекта сторонники жестко противоборствующих идеологий сошлись в согласии по поводу перечня прав человека¹³, а сама Декларация была призвана закрепить это согласие. Под влиянием данных идей сложилось понятие универсальной аудитории Х. Перельмана, понимаемой как все «человечество, или, по крайней мере, все нормальные взрослые люди»¹⁴, которая стала «философским воплощением попытки достичь единства после войны»¹⁵. Данные тенденции развития философско-правовой мысли свидетельствуют о стремлении к объединению и сплочению, к поиску согласия относительно разумных способов совместного бытия и убежденности в существовании тех единых универсальных идей, с которыми согласится каждый.

В данном случае речь идет о тех же великих рассказах в смысле, придаваемом им Ж.-Ф. Лиотаром. Х. Перельман в качестве таких великих идей, принимаемых за риторические единицы, использует великие идеи естественного права — «природа вещей», «верховенство права», «договоры должны исполняться», «обе стороны должны быть услышаны» и проч. Эти идеи, по мысли философа, являются лишь абстракциями

⁷ Здесь читатель, возможно, захочет возразить, указав на вневременной и внеисторический характер великих повествований в первоначальном лиотаровском значении, и такое замечание будет вполне справедливым. Однако, представляется, что однажды появившись, повествование о Мировой войне приобрело тот самый характер универсальности, тотальности и абсолютности, который присущ установкам подобного рода. Поэтому говорить об универсальной роли повествования о трагедии Второй Мировой войны следует лишь применительно к дискурсу, развернувшемуся после ее окончания.

⁸ Радбрух Г. Законное неправо и надзаконное право // Радбрух Г. Философия права. М.: Международные отношения, 2004. С. 228-238.

⁹ Работой «Справедливость», опубликованной в 1945 г., начинается новый этап творчества Х. Перельмана, который приходит на смену его приверженности логическому позитивизму (Perelman Ch. De la Justice. Bruxelles. 1945, на русском языке: Перельман Х. Справедливость / Пер. с фр. Е. Г. Самохиной // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 607-656). В дальнейшем это исследование о справедливости Х. Перельмана раскрылось в проекте «Новая риторика», которому он остался верен в течение всей жизни. Самой главной работой этого этапа творчества Х. Перельмана считается «Новая риторика: Трактат по аргументации» (Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. The New Rhetoric: Treatise on Argumentation. Notre Dame, 1969), хотя концепция новой риторики развивается во многих работах философа.

¹⁰ См., например: McKeon R. 1) Rhetoric: Essays in Invention and Discovery. Woodbridge, CT. 1987; 2) Selected Writings of Richard McKeon, Volume 1: Philosophy, Science, and Culture. Edited by Zahava K. McKeon and William G. Swenson. Chicago: University of Chicago Press. 1998.

¹¹ См.: Habermas J. 1) The Theory of Communicative Action: Reason and the Rationalization of Society. Boston: Beacon Press, 1984; 2) The Theory of Communicative Action: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Boston: Beacon Press, 1984; 3) Moral Consciousness and Communicative Action. Cambridge: Polity Press, 1992; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001.

¹² См.: Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. 2002. № 2(241). С. 4-16.

¹³ Маритен Ж. Человек и государство / Пер. с англ. Т. Лифинцевой. М.: Идея-Пресс, Дом Интеллектуальной книги, 2000. С. 76.

¹⁴ Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. The New Rhetoric: Treatise on Argumentation. Notre Dame, 1969. P. 31.

¹⁵ Frank D. A. A Traumatic Reading of Twentieth-Century Rhetorical Theory: The Belgian Holocaust, Malines, Perelman, and de Man // Quarterly Journal of Speech. 2007. Vol. 93. N 3. P. 325.

и могут использоваться в процессе аргументации перед универсальной аудиторией, которая, как известно, является мысленной конструкцией. Однако принципы естественного права, используемые в аргументации, не ориентированы на абстрактное существо, взятое вне времени и пространства, в реальной жизни аргументация всегда строится перед конкретной аудиторией (в случае с использованием естественно-правовых принципов это может быть суд, присяжные и т.п.); и эти положения направлены на то, чтобы заставить конкретных индивидов возвыситься над их частными интересами и рассуждать о правде, справедливости и других моральных и правовых понятиях наиболее убедительным образом¹⁶.

Ж.-Ф. Лиотар отрицает легитимирующее значение великих рассказов, и постмодерну теперь предстоит решить вопрос о том, к чему за их пределами можно обращаться в поисках легитимации¹⁷. При этом идея согласия видится ему как очередной великий рассказ — обобщенный, абстрактный, поскольку достижение согласия возможно только путем сведения всего разнообразия языковых игр к единому языку (очередному великому рассказу). В этом вопросе Ж.-Ф. Лиотар выступает против идей универсализации, целостности и тотальности, дискредитировавших себя в XX в. и приводящих лишь к подавлению человеческой личности. По справедливому замечанию И.Л. Честнова, «постструктурализм и постмодернизм как его продолжение, показывают, что субъект обусловлен (жестко детерминирован) социокультурной и исторической ситуацией. Его действия именно такие потому, что он — выходец из такой-то среды, за пределы которой он не в состоянии вырваться. Это насилие структуры над субъектом — главный мотив исследований М. Фуко, Ж. Делеза, Р. Барта и других основоположников постмодернизма. При этом необходимо иметь в виду, что это — диагноз положения субъекта в массовом обществе, а не постмодернистский идеал»¹⁸. Последнее замечание очень важно, поскольку многие современные критики постмодернизма часто стремятся выдать это обстоятельство господства структуры, или целостности, над индивидом за некое «предложение» или «нововведение», вводимое представителями данного направления, в то время, как налицо обратная ситуация. Так,

стремясь выйти за пределы старой парадигмы, Ж.-Ф. Лиотар утверждает, что иллюзия единства и целостности является искусственно созданной, а мир представлен множеством языковых игр, ролей и микрорассказов, поэтому у каждого индивида или небольшой группы индивидов должна быть возможность играть свою собственную роль, действовать в рамках собственной языковой игры и рассказывать свою собственную историю.

Таким образом, эти гуманистические ноты философии второй половины XX в. проявились как в обращении к великим повествованиям, так и в их критике. Но, как известно, критика великих рассказов может приводить к возникновению проблем в области обоснования правовых и моральных норм, поскольку сами эти области покоятся на великих рассказах (добро, зло, справедливость и проч.). И «крах великих рассказов», провозглашенный Ж.-Ф. Лиотаром, по оценке многих исследователей его творчества, приводит к краху этики. Так ли дело обстоит в действительности?

К решению этой проблемы Ж.-Ф. Лиотар обращается в работах «Le Differend» и «Au juste». В данных работах философ вводит понятие спора (differend) как конфликта, возникающего (по крайней мере) между двумя сторонами, который не может быть разрешен ввиду отсутствия единого правила суждения, примененного к обеим позициям¹⁹. Данная ситуация — отсутствия общего правила суждения — сродни той, что описывается У. Эко в переписке с кардиналом Мартини о вере и неверии, где знаменитый писатель задается вопросом о том, что движет неверующими при совершении морально правильных поступков, полагая, что выбор, сделанный ими в ситуации отсутствия единого критерия или авторитетного веления (великого рассказа в нашей терминологии), становится еще более ценным с точки зрения морали²⁰. В состоянии постмодерна, описываемом Ж.-Ф. Лиотаром, отсутствует единое правило, единый критерий для решения конфликта, что, безусловно, затрудняет его решение. Но существование такого правила или критерия заведомо невозможно, поскольку стороны являются участниками разных языковых игр и не имеют общего нормативного поля.

По оценке, данной состоянию постмодерна Б. Мелкевиком, «практическая мудрость у Аристотеля или же способность суждения у Канта — это те понятия, которые более не имеют места. Нет более основания для суждения.

¹⁶ Mootz III F. J. Perelman's Theory of Argumentation and Natural Law / Research Paper 09-16. February 18, 2009. P. 9.

¹⁷ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. С. 12.

¹⁸ Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012. С. 390-391.

¹⁹ Lyotard J.-F. The differend: Phrases in Dispute. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. P. i.

²⁰ Эко У., Кардинал Мартини. О вере и неверии. М., 2016.

Нет более ни единой нормативной инстанции, позволяющей судить»²¹. Все же представляется, что данное высказывание профессора Мелкевика довольно радикально. В вопросах права и морали, по мысли Ж.-Ф. Лиотара, в эпоху постмодерна распределение справедливости будет осуществляться без предварительных образов. И результатом этой деятельности должно стать слияние многообразия гетерогенных языковых игр в некое единство, полифонию, образующее общество. Сам процесс суждения о справедливости близок к аристотелевой практической рассудительности. Ситуация, в которой, по Лиотару, предстоит принять решение, является уникальной и единичной, и для ее разрешения следует вынести суждение не на основе заранее данных правил, а создавая правило, применимое в данном конкретном случае. Неким критерием для подобного суждения будет выступать «чувство» того, что оно является правильным²².

Далеко ли в своих рассуждениях Ж.-Ф. Лиотар ушел от новой риторики Х. Перельмана? На данный вопрос нет однозначного ответа. С одной стороны, если Х. Перельман настаивал на необходимости поиска универсальных общих мест, общих отправных точек аргументации, с которыми согласится все человечество, то Ж.-Ф. Лиотар занимал противоположную позицию, полагая, что достижение своеобразного согласия или компромисса на столь широком плане всегда тяготеет к террору, поскольку невозможно достичь консенсуса относительно правил для всего разнообразия языковых игр. Консенсус, достигнутый по поводу правил, определяющих каждую игру, и допустимых в ней приемов, должен быть *локальным* и подверженным возможному расторжению²³.

С другой стороны, неправильно было бы утверждать, что Х. Перельман говорил о тотальной универсализации и всеобщем единодушии. С точки зрения Х. Перельмана, даже при закреплении определенных принципов универсального гуманизма установить универсальное соглашение невозможно — большинство из этих принципов и условий получают самые разнообразные интерпретации, как это сложилось, например, в случае со Всеобщей декларацией прав человека, благодаря тому, что каждое государство оставило за собой

право интерпретировать этот документ²⁴. Философ считал утопичной идею права, морали и иных норм, единых для всех народов, равно как и единого международного порядка, поскольку не может существовать единое однородное мировое сообщество, между членами которого было бы достигнуто согласие о моральных ценностях и культурных традициях. Поэтому и нормы международного права, направленные на защиту прав человека, должны, по его мнению, сначала внедряться на региональном уровне, привносить едиобразное регулирование отношений в тех обществах, в которых существует согласие относительно основополагающих ценностей²⁵.

Таким образом, в том, что касается локального характера согласия следует отметить высокую степень схожести идей двух философов, с той разницей, что по мысли Ж.-Ф. Лиотара у каждой небольшой группы индивидов имеются свои микрорассказы, а Х. Перельман склоняется к тому, что эти рассказы зачастую могут быть выражены одинаково, но скрывают в себе разные смыслы.

Другое дело, что у Ж.-Ф. Лиотара непринятие тотальности и универсальности доведено до крайности. Если общество модерна находилось под властью универсальных метарассказов (что привело к ужасающим последствиям в виде войны, холокоста и др.), то в эпоху постмодерна великие рассказы теряют свою легитимирующую силу, и постсовременный мир становится открытым обществом, совокупностью небольших коллективов людей, не имеющих цели доминировать друг над другом. Если использование великих рассказов в области права означало обращение к некоторому сложившемуся единому ценностному порядку в обществе (например, как указывает Б. Мелкевик, ценностей большинства — белых мужчин из среднего экономического класса Запада²⁶), то отказ от таких рассказов позволяет и историям различных небольших коллективов быть услышанными. В современной философии эта идея получила интересный отголосок в работе С. Жижек «Против прав человека»²⁷, в которой автор рассуждает о соотношении абстрактной всеобщности прав

²¹ Мелкевик Б. Юридическая практика в зеркале философии права / Пер. с фр. и англ. М.В. Антонова, А.Н. Остроух, В.А. Токарева, Е. Уваровой и др. / Отв. ред. М.В. Антонов. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. С. 119.

²² Lyotard J.-F. Just gaming. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1985. P. 14-15.

²³ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. С. 155, 157.

²⁴ Perelman Ch. Droit, morale et religion / Etique et Droit. Bruxelles. 2012. P. 385.

²⁵ Perelman Ch. The Safeguarding and Foundation of Human Rights // Law and Philosophy. 1982. № 1. P. 119.

²⁶ Мелкевик Б. Юридическая практика в зеркале философии права. С. 126.

²⁷ Жижек С. Против прав человека. М.: Свободное марксистское издательство, 2010 / URL: <http://ru.theanarchistlibrary.org/library/slavoj-jijek-protiv-prav-cheloveka> (дата обращения: 02.07.2018).

человека и противопоставленных ей интересов конкретных людей. С позиции философа, «права человека» как таковые являются ложной идеологической всеобщностью, маскирующей и легитимирующей конкретную политику западного империализма, военных интервенций и неоколониализма²⁸. При этом, в тот момент, когда человек действительно оказывается в состоянии называемом Дж. Агамбен *homo sacer*, или человека, сведенного к голой жизни, — когда он оказывается человеком «в общем», без определенной принадлежности к какому-либо социально-политическому сообществу, — он лишается и прав человека, и признания себя как человека, и отношения к себе как к таковому²⁹. Такие великие идеи, как естественные или всеобщие права человека продемонстрировали свою беспомощность и иллюзорность, поскольку дискурс о данных правах возможен только в рамках конкретного небольшого сообщества и в рамках, очерченных этим сообществом. Соответственно, содержание и объем данных прав будет разным для разных коллективов людей, что будет означать крах единого великого рассказа о правах человека и рождение на его месте многих микрорассказов. Так, если мы больше не желаем прислушиваться к рассказу так называемого большинства (белых мужчин, владельцев частной собственности, имеющих право на свободный рыночный обмен, эксплуатацию рабочих и женщин и на политическое доминирование³⁰) и отрицаем его легитимирующую силу, то на передний план выходят повествования всех остальных групп, чьи голоса им заглушались в эпоху модерна — женщины, представители различных меньшинств, молодежь и проч. И возникает закономерный вопрос: будут ли эти рассказы иметь легитимирующую силу или приведут к воцарению всеобщего нигилизма? Приведет ли это к возникновению многоголосого плюралистического общества, как задумывал Ж.-Ф. Лиотар, или это будет разобщенное общество, в котором невозможен диалог ввиду отсутствия общих разделяемых всеми норм, ценностей и памяти? Последняя ситуация тоже возможна, поскольку к постмодернистским микрорассказам не предъявляются никакие критерии искренности и достоверности, что приводит к их оторванности

от требований общества и ситуации совместной жизни.³¹

Но возможна ли аргументация, свободная от великих рассказов? Ж.-Ф. Лиотар делает попытку разработать систему аргументации, которая не покоится на их тиранической силе. В послесловии к английскому переводу работы Ж.-Ф. Лиотара «Au juste» (в английском переводе «Just Gaming») Самюэль Вебер отмечает, «в тот момент, когда провозглашается, что ни одна игра... не должна доминировать над другими, делается именно то, чего, согласно этому утверждению, избегают: одна игра доминирует над другими, чтобы защитить их от доминирования»³². Ж.-Ф. Лиотар признавал проблематичность этого подхода, призывая читателей «быть настороже»³³, когда они имеют дело с идеей справедливости, которая даже при плюралистическом подходе сохраняет свой тоталитарный характер. В качестве выхода из данной ситуации в процессе вынесения суждения философ призывает прислушиваться к собственному чувству «правильного» и «справедливого», а не к правилам и предписаниям. Философу представлялось несправедливым разрешение ситуации на основе ранее заданных правил, поскольку каждая ситуация индивидуальна. Безусловно, апеллирование к чувству представляется исследователям чем-то слишком неопределенным — это нечто сугубо индивидуальное, что подчас невозможно даже описать словами, хотя именно данный критерий должен лечь в основу решения в области этики или права. В то же время стоит признать, что для Ж.-Ф. Лиотара «чувство» довольно конкретно, что является очень характерным отражением ницшеанской традиции в постмодернистской философии, а также согласуется с его ранними работами, основанными на методе психоанализа³⁴.

Подход, разработанный Ж.-Ф. Лиотаром, безусловно, вызывает больше вопросов, чем ответов, и сталкивается с трудностями, решение для которых пока не разработано в достаточной мере. Отказываясь от «насилия» великих рассказов, мы оказываемся в ситуации отсутствия критериев и норм для вынесения решений; при этом, допуская право на существование бесконечного множества микрорассказов, каждый из которых будет правильным и справедливым, в области права и морали мы теряем

²⁸ Там же.

²⁹ Там же; см. также: Агамбен Дж. *Homo sacer*. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011.

³⁰ Жижек С. Против прав человека / URL: <http://ru.theanarchistlibrary.org/library/slavoj-jijek-protiv-prav-cheloveka> (дата обращения: 02.07.2018).

³¹ Подробное обоснование этой позиции см.: Мелкевик Б. Юридическая практика в зеркале философии права. С. 129.

³² Lyotard J.-F. Just gaming. P. 105.

³³ Ibid. P. 96.

³⁴ См.: Lyotard J.-F. 1) *Discours, figure*. Paris: Klincksieck, 1971; 2) *Economie libidinale*. Paris: Minuit, 1974.

всякую твердую почву под ногами и находимся в ситуации полной неопределенности и непредсказуемости. В сфере права данное положение дел напоминает возвращение к казуистическим нормам, хотя и они, исходя из логики данной позиции, являются излишними, поскольку уже не могут быть использованы в дальнейшем к другим случаям. При этом необходимо признать, что Ж.-Ф. Лиотаром был разработан очень оригинальный подход, имеющий — что очень важно — амбициозную и серьезную цель: создать систему обоснования суждений о справедливости, свободную от ценностей, навязываемых так называемым большинством (или его видимостью) извне. Эта система покоится на важной посылке о том, что однородность и целостность общества является (опасной) иллюзией, от которой следует избавиться, а взамен необходимо признать право различных групп внутри общества и даже отдельных индивидов быть разными и создавать свои рассказы о справедливости. Конечно же, данный подход сложен и не лишен противоречий, и внедрение предложений Ж.-Ф. Лиотара в юридическую практику в первоначальном виде было бы неоправданным шагом, приводящим к произволу и беспорядку. Однако, представляется, что некоторые положения его теории (например, об уникальности каждого спора, о необходимости аргументации и др.) могли

бы использоваться при принятии юридических решений, как и главные посылки его теории.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 252 с.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
3. Мелкевик Б. Юридическая практика в зеркале философии права. СПб.: Алетейя-Пресс, 2015. 288 с.
4. Перельман Х. Справедливость / Пер. с фр. Е.Г. Самохиной // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 607-656.
5. Постмодернизм: энциклопедия / Сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. Минск: Интерпрессервис, 2001. 1040 с.
6. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012. 650 с.
7. Эко У., Кардинал Мартини. О вере и неверии. М., 2016. 120 с.
8. Habermas J. Theory of Communicative Action. V. 1. Reason and the Rationalization of Society. Boston: Beacon Press, 1984. 512 p.
9. Habermas J. The Theory of Communicative Action: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Boston: Beacon Press, 1984. 464 p.
10. Lyotard J.-F. Au juste. Paris: Christian Bourgois, 1979. 188 p.
11. Lyotard J.-F. The differend. Phrases in Dispute. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. 208 p.

Legitimizing Force of Great Narratives in the XXI century

Samokhina E. G.,

PhD in Law,

Associate Professor of the Department of Theory and History
of Law and State at HSE University, St. Petersburg

E-mail: ya.samokhina@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the study of the concept of «great narratives» and their implications for legal philosophy and legal science in the 21st century. The author analyzes the concept of great narratives and the concomitant ideas of unity and totality, given by J.-F. Lyotard, and compares them with similar ideas put forward by other philosophers, in particular, Ch. Perelman. The author also makes an attempt to investigate the argumentation system proposed by J.-F. Lyotard in return for the use of great narratives and evaluate this system in connection with its application in legal science. Noting the problematic approach of Lyotard, within the framework of which, when we refuse the «terror» of great narratives, we find ourselves in a situation where there are no criteria and norms for making decisions, the author of this work acknowledges the contribution of this approach to the development of legal argumentation. This system rests on the important premise that homogeneity and integrity of society is a (dangerous) illusion, which should be eliminated, and in return it is necessary to recognize the right of different groups within society and even separate individuals to be different and to create their own narratives of justice. Of course, this approach is complex and full of contradictions, and the thoughtless introduction of proposals made by J.-F. Lyotard in the legal practice in its original form would be an unjustified step leading to arbitrariness and disorder. However, it seems that some of the provisions of his theory (for example, the uniqueness of each dispute, the need for argumentation, etc.) could be used in making legal decisions, like the main premises of his theory.

Keywords: *great narratives, narrative jurisprudence, postmodernism, legal argumentation, Ch. Perelman, J.-F. Lyotard.*

References

1. Agamben Dzh. Homo sacer. Suverennaya vlast i golaya zhizn. M.: Evropa, 2011. 252 c.
2. Liotar Zh.-F. Sostoyanie postmoderna. SPb.: Aletejya, 1998. 160 s.
3. Melkevik B. Yuridicheskaya praktika v zerkale filosofii prava. SPb.: Alef-Press, 2015. 288 s.
4. Perelman Kh. Spravedlivost / Per. s fr. E.G. Samokhinoj // Rossijskij ezhegodnik teorii prava. 2011. № 4. S. 607-656.
5. Postmodernizm: entsiklopediya / Sost. i nauch. red. A. A. Gritsanov, M. A. Mozhejko. Minsk: Interpresservis, 2001. 1040 s.
6. Chestnov I. L. Postklassicheskaya teoriya prava. SPb., 2012. 650 s.
7. Eko U., Kardinal Martini. O vere i neverii. M., 2016. 120 s.
8. Habermas J. Theory of Communicative Action. V. 1. Reason and the Rationalization of Society. Boston: Beacon Press, 1984. 512 p.
9. Habermas J. The Theory of Communicative Action: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Boston: Beacon Press, 1984. 464 p.
10. Lyotard J.-F. Au juste. Paris: Christian Bourgois, 1979. 188 p.
11. Lyotard J.-F. The differend. Phrases in Dispute. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. 208 p.